

Каблучкова Т.В.

**Впечатления о VII Международной летней конференции 2012
«Мастерство юнгианского аналитика»**

Мой отзыв на московскую конференцию получился несколько отсроченным во времени, то есть с некоторого расстояния по отношению к уже произошедшим событиям. Видимо, временное расстояние понадобилось мне, чтобы выйти из непосредственного погружения в атмосферу московского глубинно-психологического шарма и обрести собственное переживание и осмысление. Чтобы поспособствовать последнему, я решила написать отзыв после того, как наберу свой конспект лекций и воркшопов. Наконец, этот труд завершён, и именно по этому конспекту я и изложу свои мысли и впечатления, а конспект, практически в «чистом», почти стенографическом виде, будет приложением к моему личному восприятию «Мастерства юнгианского аналитика».

Центральной фигурой всей конференции, несомненно, стал Дейл Матерс, – он выступал все три дня с лекциями и супервизиями, что являлось живой презентацией его книги «Аналитическая психология о цели и смысле жизни», переведённой и выпущенной МААП к конференции. Книга продавалась тут же. Есть удивительное противоречие в моём впечатлении от этого юнгианца. После каждой его лекции было ощущение очарованности открытой, простой и немного по-детски наивной формой изложения его мыслей и рассуждений, в которых тема ребёнка и детства была самой часто используемой метафорой к любым психическим процессам, будь то анализ, супервизия или теоретические погружения. Видимо, атмосфера географической родины детского психоанализа и школы развития аналитической психологии впитывается глубинными психологами вместе с туманами Альбиона. С другой стороны, глубины проникновения в каждую обозначенную в докладах тему, на мой взгляд, было недостаточно, и здесь ведущей метафорой, данной самим Матерсом, стал серфинг – быстрое скольжение по поверхности, чтобы остаться на волне и не упасть в глубины вод. И вот это непередаваемое сочетание личностного обаяния с отрывочными, слабо связанными между собой теоретическими скольжениями, отклоняющимися то в буддизм, то в физиологию, то в метафоры брошенного ребёнка, привело к тому, что весь портрет Матерса для меня оказался составлен изнепригнанных и несрастающихся между собой кусочков, соединить которые я попыталась, прочтя его книгу по пути обратно в Екатеринбург. Это кое-что прояснило для меня, ибо работа эта несла ту же самую атмосферу отрывочности, лоскутчатости, буквализма физиологии, когда эмоции помещаются в конкретные зоны головного мозга (подумать только, мифология мозга ожила в работе юнгианца!!!) и отсутствия связного повествовательного дискурса даже в изложении клинических случаев, которые на лекциях давались полнее и с большими подробностями, чем в книге, так что без лекций я бы не поняла этих примеров с отсутствием необходимой доли конкретных деталей. Во всей книге нет чёткого определения ни «цели», ни «значения» – тех предметов, которым посвящён весь немалый труд. Что под ними подразумевает автор, для меня так и осталось невыясненным, и, если бы не моё собственное достаточно чёткое видение этих понятий, загадка названия была бы неразрешимой. Зато стало ясно, что Матерс не совсем корректно пользуется терминами аналитической психологии, такими как архетип и самость: под первым он подразумевает то продукцию лимбической коры головного мозга, то эмоцию, охватывающую это (где тогда проходит дифференциация архетипа с комплексом?), а под второй – не более того, что под самостью имеют в виду психоаналитики и Лакан, то есть имманентную самоидентификацию, включающую в себя это и его ближайшие структуры идентичности: персону и тень. Последнее сделало понятным буддистское утверждение Матерса на третьей лекции того, что «самости не существует». Если перевести всё же этот рубленный лозунг на юнгианский язык, то это призыв сойти с точки опоры в своём Я, перестать пытаться двигать весь мир, всю планету своей собственной волей и увидеть, что Я, то есть самость с маленькой буквы, – лишь одно из текущих воплощений чего-то большего, того, что, будучи названо любым словом, уже теряет часть своей сущности, не помещаясь в восприятии ни одного слова, а потому в них не существует, а творит их и Я для их воплощения. Самости не существует только в самом слове «самость», а также в Я, когда оно упирается в собственную волю, противодействуя созданной им закрытой смысловой

системой пребывания в потоке создаваемого через него мира. Вот на такие рассуждения навели меня лекции Матерса и его книга о «смысле жизни». Смыслы эти, однако, пришлось извлекать, что, видимо, тоже сделало свою полезную работу для открытия моей собственной смысловой системы.

Иное дело – супервизии Матерса. Здесь на первый план выдвинулась его личность, а не теория, которой он придерживается. Теория, как я уже отметила, отрывочна, противоречива, даже кое-где фрагментирована, и золотые перлы отдельных фраз погружены в многотонные пески буквализмов и скольжения по поверхности. Супервизии же Матерса отличались особой, очень диалогичной атмосферой: он не дослушивал изложение случая, начинал задавать вопросы, много высказывался, направлял, обращался к аудитории, цитировал Юнга, – в общем, был очень активной фигурой, сам себя противопоставляя своей же фразе: «Плохо, когда клиент заставляет вас что-то делать, быть полезным – это не даёт вам быть в моменте», зато полностью соответствуя рекомендации Юнга, которую он произносил много раз на протяжении конференции: «Юнг говорил, что вы можете дать своему клиенту столько психологии, сколько он может вынести». На его супервизиях было интересно из разряда, а что будет дальше, то есть смысловая система супервизии оставалась открытой, и это создавало очень лёгкую атмосферу, несмотря на то, что случай и на первой, и особенно на второй супервизии, на которых я присутствовала, были сложными, даже тяжёлыми. Была и синхрония: во-первых, на обеих супервизиях дети клиентов были психотиками, а Матерс – психиатр; во-вторых, стоило Матерсу упомянуть картину Уччелло «Святой Георгий и дракон» (1456), которую он использовал в презентации к своей первой лекции, как оказалось, что первое сновидение супервизируемой клиентки, которое она помнит, – о драконе. В целом, супервизии Матерса, да и не только его, строились на межличностных аспектах, весьма прозрачно контаминирующих с психоаналитическим подходом, не углубляясь особенно в субъективную сторону, и даже тот же дракон трактовался как аспект Я клиентки или окружения, а не виделся психической фигурой монстра, «предвестника, чуждого сознанию и несущего весть об обновлении», как его рассматривал архетипист Войтковски на прошлогодней летней конференции (видимо, здесь сказывается моё личное предпочтение подходов архетипической психологии перед школой развития – постановка образа в центр рассмотрения и отношение к происходящим в жизни клиента событиям как воплощениям этого образа, а не наоборот).

О следующем участнике конференции много говорить не хочется. Сьюзан Роуланд сделала два доклада, вызвала шквал негатива со стороны слушателей и, приняв с кислой миной от Хегая в подарок чебурашку, на второй день улетела обратно в Калифорнию. Её доклады можно кратко выразить следующими фразами: 1) Юнг, как и все мужчины, женщин ни во что не ставил, а только пользовался ими, на чём и основал свою теорию аналитической психологии; 2) и сейчас такое время, когда психологию надо преобразовать в отрасль биологии, – все назад в природу! Оба постулата проговаривались чётко поставленным голосом, выдержанными фразами, с необходимыми для перевода и донесения до слушателей паузами, отточенными, по видимости, многими годами преподавания. Выступления Роуланд стали наглядной демонстрацией закрытой смысловой системы, о которой говорил Матерс: когда комплекс овладевает эго, всё происходящее вокруг просеивается через сито его восприятия и искажается настолько, насколько необходимо для придания всему одного-единственного значения, соответствующего смысловому полю данного комплекса. И если в психическом мире, в котором живёт эго докладчика, превалирует маскулинность, подавляя, обесценивая и насилуя феминность, разрывая связи с материнским питающим миром объективной психе, то и внешний мир материи, природы, и теоретические работы основателя аналитической психологии будут видеться только в таком свете, ибо другого для неё не существует.

Третий докладчик – Кристофер Хок – для моего восприятия оказался странно ускользающим: он оставил крайне незначительные воспоминания о своих выступлениях, исключая супервизию, и ощущение присутствия на лекциях по аналитической психологии для первокурсников общепсихологического направления: доступная демонстрация давно известных истин на простом материале. Скучно. Переводы его лекций про кино и отношение Юнга к Америке были подготовлены как раздаточный материал, и потому я не старалась их тщательно конспектировать, что, скорее всего, и стало причиной отсутствия концентрации

внимания на его докладах. Немного больше воспоминаний оставил доклад про постмодернизм, и здесь для меня сработал фактор соединения с эмоциональной составляющей – меня раздражало реальное отсутствие параллелей юнгианством, которые лишь номинально были обозначены докладчиком. Тот же термин постмодернизм уже был введён в аналитическую психологию Мюрреем Стайном в «Юнговской карте души» как обозначение пятой стадии развития сознания, на которой самосознание это достигает понимания относительности своего центрального положения в психическом пространстве. Переход коллективного сознания западного социума на эту стадию и породило движение постмодернизма в искусстве, архитектуре и философии и привело также к рождению глубинной психологии на рубеже веков, а отнюдь не стало причудливой случайной параллелью юнгианству, как то преподнёс Кристофер Хок. Супервизия же вызвала куда больший интерес, так как было уже с чем сравнить – с манерой проведения супервизии Матерсом в предыдущий день. Разница была весьма ощутимой. То, что Матерс проповедовал устно, то есть бытие супервизором вместо активного делания помощи, Хок воплощал в реальности. Он молча слушал всё длинное изложение клинического случая, его интервенции сводились к коротким направляющим вопросам супервизируемому для стимуляции рефлексии, к активизации участия аудитории в процессе и несколькими подытоживающим фразам с обращением за амплификацией к сказочному материалу. Очень бережная и рабочая атмосфера, опять-таки без какого-то бы ни было углубления в психическое пространство, что, в контексте данного случая, вполне вписывалось в текущий этап работы с клиентом. Глубина ощущалась скорее как то, с чем ещё предстоит столкнуться в достаточно далёком будущем, как в приведённой сказке.

Теперь о воркшопах. Впервые за три моих участия в конференциях МААП мне понравились воркшопы, и это очень приятно. Не все, правда, это было бы слишком хорошо, но два из трёх – это значительный прогресс (возможно, моего восприятия воркшопов как формы мероприятий конференции). Первый воркшоп – «Ярилынырусалии» – достаточно подробно описан в конспекте. Замечательным его сделало совместное творчество по созданию русалки на листе бумаги, когда все участники стояли на коленях вокруг и каждый что-то прикреплял, или рисовал, или раскрашивал, или вырезал. Танец «Ручеёк» поместил участников в пространство единения и с русалкой, и друг с другом в общий поток, который затем прекрасно ощущался даже на телесном уровне как приток энергии, мягкий, негипоманиакальный, а направляющий на контакт и творчество.

Второй воркшоп, посвящённый астрологии, содержал некоторое количество интересных параллелей между расположением небесных тел в натальной карте и констелляцией тех или иных комплексов в последующей жизни человека, но в целом скорее напоминал рекламу услуг ведущей, чем вызвал больший негатив, по крайней мере, с моей стороны, чем предполагалось идеей воркшопа.

Третий воркшоп, который я посетила, оказался самым интересным с теоретической стороны, а именно это и привлекает меня больше всего. На воркшопе ведущая рассказала о типах людей, в которых превалирует одна из пяти эмоций-качеств, выделяемых в буддизме (а в тантризме им соответствуют пять клеш – те аффекты, что вызывают страдания и привязку бессмертной души-дживы к материи). Воркшоп строился по принципу обратной связи с аудиторией по каждому из обозначенных качеств. Синхрония работала вовсю: пять качеств – пять участников, и каждый нашёл своё семейство, которые не повторились. Малая группа, образовавшаяся на воркшопе, позволила высказаться каждому в том объёме, который был ему необходим и достаточен, отсюда глубокое удовлетворение: и взял, сколько хотел, и дал то, что было готово выйти в пределах предложенной темы. У меня осталось чувство благодарности ведущей за открытую интеллектуальную атмосферу воркшопа и ту систему буддистского взгляда на структуру человеческого сознания, которую она предоставила в пользование участникам.

Что касается выступлений хозяев конференции – маповцев Хегая и Раевского – то они не оставили глубокого следа ни на самих докладах, ни в послевкусии. Раевский сосредоточился на социальном аспекте текущего момента времени: выходе психологии в виртуальное пространство и использование технологий личностном росте, а не личностном самозамыкании. Технология и её использование, как и любой другой атрибут материальной реальности, лишь отражает реальность психическую и является её носителем и

представителем, потому использование гаджетов инанотехнологий не меняют и не конструируют психику, а используются человеком в соответствии с его личностной структурой, – в докладе же Раевского акценты проставлены с точностью до наоборот. Дискуссия, организованная им, из идеиглубиннопсихологической интерпретации протестных выступлений превратилась в динамическую группу по переработке поднятого социальными волнениями эмоциональных состояний участников, поэтому её можно считать провалившейся в достижении изначальной цели.

Лекция Льва Хегая вообще была сдвинута во времени из-за растянувшего доклада Хока, который практически полностью занял и своё время, и время выступления следующего за ним Хегая, прочитавшего свой доклад о братстве Святой Софии в конце дня перед фуршетом. Основная идея его доклада в том, что аналитическая психология в России приживается на почве, подготовленной поклонением Святой Софии, которая уже со времён Византии, а затем через Братство Святой Софии в середине прошлого века стала недостающим феминным элементом вмаскулинной божественной Троице. Параллель Святой Софии с праджней в буддизме могла бы увести гораздо дальше и глубже (к Шакти и Шехине, например), нежели это захотел сделать Лев Аркадьевич, оставив свой доклад на поверхности этого сравнения, видимо, поддерживая общую «серфинговую» тенденцию VII конференции.

В целом, вся конференция имела сильный буддистский подтекст, во многих местах переходящий в открытый контекст, причём в сыром, не переработанном психологически виде, с одновременным дистанцированием от понятийного поля аналитической психологии вплоть до очернения Юнга как её основателя. И в этом месте вспоминаются рассуждения того же Юнга о неизбежности и опасности гипостазирования непредставимых идей, которые, чтобы стать воспринимаемыми сознанием, с необходимостью соединяются в образе с чем-то материальным, которое затем подменяет собой первоначальную идею, ведь материальное можно потрогать и подержать в руках, а чтобы воспринять идею, необходимо совершать длительную психическую работу по отрыву её от конкретности материального контекста. Так и на конференции – легче выучить и принять на веру буддистское учение, которое о чём-то далёком, высоком, красивом, но не о том, что непосредственно творится в душе каждого, в том числе в душе того, кто это учение проповедует. Любое религиозное или философское учение рождено психикой как самометафора, одна из многих. Найти в нескольких метафорах психическое зерно – и есть цель аналитического психолога, работающего с душой в её непосредственном виде. Отказ от этой работы соответствует отказу быть психологом, и мастерство юнгианского аналитика, по материалам прошедшей конференции, заключается в рефлексии соблазна остаться в пределах только одной метафоры, какой бы привлекательной она ни была, и сохранить свою смысловую систему открытой для разных проявлений души – от буддизма до экологии, от драконов до нанотехнологий.